

A detailed illustration of a winter night scene. In the foreground, a young girl with long brown hair, wearing a grey knit sweater and a red plaid blanket, sits on a snowy ledge. She is holding a ginger cat. To her left is a lit lantern with a candle. In front of her is a mug of hot chocolate with a Christmas tree design and a closed book. The background shows a snowy mountain range, a village with warm lights, a bridge over a river, and a large star in the night sky.

Чудеса под рождественской звездой

Сказки для самых тёплых
зимних вечеров

— ии —

Родион Огневров

Родион Огневеров

**Чудеса под рождественской
звездой: Сказки для самых
тёплых зимних вечеров**

<https://litres.ru/74608122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как научить ребёнка замечать, кому нужна помощь, и самим не разучиться видеть чудо в обычном дне? В зимней суете легко забыть: настоящее тепло рождается из внимания друг к другу.

В книге «Чудеса под рождественской звездой: Сказки для самых тёплых зимних вечеров» — двенадцать историй о том, как увидеть нужду за неудобством, откликнуться на робкую просьбу, позаботиться о тех, кто не может попросить словами, и поддержать, не отнимая у другого права на собственный шаг. Здесь важны вклад самого маленького, помощь без условий и подарок, который говорит: «Я тебя заметил». Сказки показывают, как добрые поступки объединяют людей, а праздничная забота становится привычкой.

Книга подойдёт для семейного чтения с детьми и для взрослых, которым хочется больше душевных разговоров и тепла.

Эти истории помогут говорить о доброте без назидания и напомнят: чудо можно создавать каждый день.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Когда зима зажгла первую звезду	6
Домик, в котором поселился снег	15
Письмо для того, кто заблудился	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Родион Огневеров

**Чудеса под рождественской
звездой: Сказки для самых
тёплых зимних вечеров**

**Чудеса под рождественской звездой: Сказки для
самых тёплых зимних вечеров**

Родион Огневеров

Когда зима зажгла первую звезду

В тот год снег пришёл так рано, что успел припорошить яблоки на ветках. Утром они ещё висели красными фонариками, а к вечеру стали похожи на маленькие белые куличи. Сумерки тоже торопились: солнце скатывалось за дальний лес, не успев как следует согреть крыши, и уже через час деревня тонула в синеватой темноте.

Лада стояла у калитки, подняв лицо к небу. Рядом, опираясь на посох, ждал дедушка Ефим — деревенский фонарщик. Каждую зиму он зажигал уличные фонари и знал о вечернем небе больше, чем многие знали о собственных часах.

— Сегодня? — спросила Лада.

— Если облака разойдутся, — ответил дедушка.

Она ждала первую рождественскую звезду. Не просто первую звезду зимы — таких на ясном небе бывали сотни, — а ту самую, о которой в их деревне рассказывали с давних пор. Будто бы она вспыхивала над холмом накануне больших снегов и помогала людям не заблудиться — не только в дороге, но и друг в друге.

Лада уже знала, какое желание загадает. Она хотела, чтобы снег не запер дорогу к соседним домам. За речкой, в деревушке Берёзовке, жила её подруга Ника. Осенью они обещали друг другу встретиться, но мост покрылся льдом, а тропу занесло. Если зима и дальше будет такой стремительной,

скоро туда не пройти даже взрослому.

— Надо успеть до больших морозов, — сказала Лада.

Дедушка посмотрел на неё с улыбкой:

— Желания лучше загадывать не только звёздам. Иногда они ждут, чтобы мы им немного помогли.

Лада решила, что дедушка опять говорит загадками. Но в тот вечер загадкой оказалось само небо.

Они дождались, пока последняя полоска заката исчезнет за лесом. Дедушка привычным движением поправил воротник, Лада всмотрелась в темноту — и не увидела ничего. Ни яркой звезды над холмом, ни даже крошечной искры рядом с ней. Только глубокое, пустое небо.

— Может, облако? — спросила девочка.

— Погода ясная, — сказал дедушка. — Погляди: вот Большая Медведица. А там — Полярная. Но нашей звезды нет.

Они ждали ещё. Дедушка поставил у калитки старый фонарь и прикрыл ладонью его стекло, чтобы огонёк не слепил глаза. Звезда не появилась.

Лада впервые подумала, что она, пожалуй, не просто опоздала.

Дни становились короче. В северных краях зимой солнце поднимается невысоко и рано уходит за горизонт, поэтому сумерки наступают быстро. Снег днём отражал свет и делал улицы почти сияющими, но вечером это сияние исчезало, и тьма казалась особенно густой. Лада знала и другое: глазам

нужно время, чтобы привыкнуть к темноте. Но сколько ни ждала она, небо оставалось пустым.

А внизу, в деревне, темнели не только улицы.

В окнах почти не зажигали свечей. Люди берегли масло и фитили, откладывали припасы, чаще запирали двери. Снегопады обещали быть долгими, и каждый боялся, что весной ему самому чего-нибудь не хватит.

Однажды Лада услышала спор у лавки. Сосед Семён сердился на мельника: тот, мол, придержал мешок муки, хотя обещал отдать часть деревенской пекарне. Мельник отвечал, что у него четверо детей, и он не станет рисковать их запасами ради чужих обещаний.

— Если каждый начнёт раздавать своё, до февраля не дотянем! — сказал Семён.

— А если каждый станет только прятать своё, до февраля мы не дотянем ещё быстрее, — тихо произнесла Лада.

Но мужчины её не слышали.

На следующий день она пошла к бабушке Марфе, которая жила у самой окраины. Ветер набился в щели вокруг оконной рамы, и на внутренней стороне стекла проступил морозный узор. В доме было зябко. В печи лежали две тонкие полешки, а на столе стояла нетронутая миска каши.

— Я хотела принести тебе яблок, — сказала Лада.

— Яблоки подождут, — ответила Марфа. — Лучше бы окно не дуло.

Лада заметила на табурете аккуратно сложенную шаль и

рядом — пустую корзину для дров. Вчера бабушка Марфа ушла за хворостом, но дорогу занесло. Сама она не жаловалась. Просто сидела возле печи и берегла последние поленья.

Лада посмотрела на её ладони: красные, потрескавшиеся от холода. Потом вспомнила тёмные окна, спор у лавки и пустое небо.

Может быть, звезда и правда погасла?

Мысль была странная. Настоящие звёзды — далёкие солнца, они сияют сами по себе и не зависят от того, зажгли ли люди свечу на подоконнике. Дедушка объяснял это Ладе, когда показывал созвездия. Но рождественская звезда была особенной: в деревенской сказке она светила там, где люди умели замечать чужую нужду. Не потому, что свечи могли достать до неба, а потому, что свет, которым делятся, далеко виден сердцу.

Лада решила проверить свою догадку.

Она попросила дедушку помочь ей собрать жителей вечером у старого колодца. Не на праздник — на работу.

Сначала люди удивились. Некоторые пришли с пустыми руками. Но Лада не стала просить их о великих подвигах. Она попросила только о том, что каждый мог сделать сегодня.

Семён принёс мешок муки и отсыпал из него немного для общей кухни. Мельник, потоптавшись у ворот, привёз доски и починил ставень в доме Марфы. Соседская девочка принесла корзинку картошки; две старушки взялись варить суп

в большой кастрюле. Кто-то принёс сухие поленья, кто-то — шерстяные носки, кто-то — горшок мёда для тех, кто простыл. Мужчины расчистили тропу между домами. Дети собирали щепки и растопку.

— Много ли у нас получится? — спросил Семён, взглянув на небольшую общую кладовую.

— Зато каждому станет легче, — ответила Лада.

Когда бабушке Марфе занесли дрова, дедушка заодно осмотрел окно. Он плотно прикрепил ставню, а щели закрыл полосами ткани. Через них больше не тянуло. Тёплая одежда и сухое одеяло тоже помогли: воздух, который задерживается между слоями ткани, удерживает тепло тела. Маленькая работа, а в доме сразу стало уютнее.

Марфа угостила помощников горячим супом. Она смеялась, слушая, как дети спорят, кто принёс больше картошки, и Лада вдруг заметила: её пальцы уже не дрожат.

Но небо оставалось тёмным.

— Может быть, добрых дел мало? — прошептала Лада дедушке.

— А может, ты ждёшь, что их сделают за тебя, — ответил он и протянул старый фонарь. — Что собираешься делать дальше?

Лада сразу поняла. Нужно было подняться на холм.

Дедушка проверил фонарь, заправил его и зажёл фитиль. Стекло защищало огонь от ветра, но Лада всё равно держала фонарь бережно, двумя руками. На всякий случай дедушка

пошёл рядом.

— Если нам идти вверх, пусть деревня увидит дорогу, — сказала она.

Жители поняли её без новых объяснений. В домах зажгли свечи. Там, где свечей не было, поставили у окна безопасные лампы. Взрослые следили, чтобы открытый огонь не остался без присмотра. Один за другим внизу засияли тёплые квадраты окон.

Лада подошла к первому дому. Хозяйка вынесла на крыльцо свечу и подала её к стеклянному фонарю, словно передавала огню привет. Потом Лада перешла к следующему окну. Каждый встречал её по-своему: кто-то молча склонял голову, кто-то клал в карман фонаря маленькую полоску красной ткани на память, кто-то говорил:

— И мою свечу возьми.

Огонь не становился больше от того, что загорался от других свечей. Но фонарь словно впитывал их участие: в его стекле дрожали десятки отражений, и свет казался всё полнее.

Потом Лада начала подниматься на холм.

Тропа была узкой. Снег скрипел под сапогами, ветер тянул за рукава. Дедушка шёл рядом, а позади, не торопясь, двигались жители. Никто не нёс ничего тяжёлого: только фонари, свечи в защищённых подсвечниках, тёплые одеяла для тех, кто замёрз в дороге. Небольшая помощь — но её хватало, чтобы идти дальше.

Лада оглянулась.

Деревня внизу уже не казалась россыпью тёмных домов. Каждое окно светилось отдельно, но вместе они складывались в большое золотое покрывало. Отражённые в снегу огни тянулись по улице, соединяя один дом с другим. Дорога, которая днём терялась в сугробах, теперь была видна.

На вершине холма Лада подняла фонарь.

— Я загадала, чтобы никто не остался один, — сказала она в темноту. — Но, кажется, это надо не только загадывать.

Ветер стих.

На западе, там, где небо недавно было пустым, появилась крошечная искра. Сначала Лада решила, что это отражение фонаря в стекле. Но огонёк дрогнул далеко над лесом — и вспыхнул ярче.

Первая рождественская звезда засияла над деревней.

Свет её был тонким, как серебряная ниточка, и всё же его увидели все. Снег на холме вспыхнул голубым, окна внизу заиграли золотом, а на лицах людей появилось выражение, которого Лада давно не замечала: они смотрели не на свои припасы и не на чужие ошибки, а друг на друга.

Звезда не сказала ни слова. Она просто светила.

Той ночью зима не отступила. Наоборот, мороз стал крепче, а к утру снег укрыл дороги и крыши ещё одним белым слоем. Но теперь зима казалась не чужой и не пустой. В деревне знали, что на окраине горит печь, у мельника есть кому помочь с дровами, а у бабушки Марфы — сосед, кото-

рый заглянет проверить окно. И знали: если дорогу занесёт, можно расчистить её вместе.

Утром Лада нашла на подоконнике свою маленькую свечу. Её огонёк был совсем невелик — не больше булавочной головки. Но рядом лежала записка от Марфы: «Спасибо, что пришла. Теперь у меня в доме тоже светло».

Лада улыбнулась. Ей всё ещё хотелось увидеть Нику и пройти к ней через зимнюю дорогу. Но теперь она понимала, что звезда не обещала лёгкого пути. Она помогала заметить, где путь начинается: у порога, за которым кому-то холодно; у руки, которую можно подать; у окна, в котором можно зажечь свет.

А настоящая рождественская звезда не исчезла, когда люди разошлись по домам. Она осталась в каждом окне — в огоньке, который кто-то зажёт для другого, и в тропе, которую расчистили не ради похвалы, а чтобы соседу было легче пройти.

Если хочется проверить эту сказку наяву, не нужно ждать ни холма, ни особенной звезды. Можно выбрать один небольшой поступок на ближайший день: позвонить человеку, который давно не выходил из дома; принести соседу горячий чай; предложить помощь с покупками; спросить не «всё ли хорошо?», а «что именно я могу сделать?». Важно не обещать больше, чем получится, и не угадывать чужие желания, а внимательно спросить. Иногда именно так начинается общая помощь.

Есть и другое простое упражнение. Вечером вспомните три огонька прошедшего дня: кто помог вам, кому помогли вы и какой добрый поступок вы могли бы повторить завтра. Не обязательно, чтобы поступки были большими. Звезда над деревней вспыхнула не от одного подвига, а от множества маленьких огней, увидевших друг друга.

А если однажды зимний вечер покажется особенно тёмным, попробуйте не только смотреть в небо, но и присмотреться к окнам вокруг. Возможно, где-то ждут именно вашего света.

Так Лада узнала: чудо не всегда приходит готовым, словно подарок, оставленный у двери. Иногда оно начинается с вопроса, с короткой тропинки, расчищенной в снегу, с полена, отданного соседу, с огонька, который не жалко разделить. И чем больше людей замечают друг друга, тем светлее становится даже самая долгая зима.

А когда после той ночи жители разошлись по домам, снег всё падал и падал. Он укрывал крыши, ступени и старые тропы, словно искал себе место, где можно было бы остаться надолго. На краю деревни стоял маленький домик, в котором этой ночью произошло нечто необычное: снег, кажется, решил поселиться не только снаружи.

Домик, в котором поселился снег

В канун Рождества у каждого домашнего беспорядка есть своя особенная музыка. Варезки, забытые у печки, шуршат, когда их снимают с верёвки; половник звякает о край кастрюли; полено в огне потрескивает так, будто рассказывает короткую смешную историю. А если по лестнице вдруг тихо-тихо скатывается снежок, музыка становится совсем необыкновенной.

В домике на краю елового леса Егор слышал этот звук первым.

— Мила, ты опять принесла снег на подошвах? — спросил он, даже не оборачиваясь.

Сестра стояла у лестницы в полосатых носках. Под ногами у неё не было ни сапог, ни следов с улицы. Она только что помогала маме раскладывать на столе коричные булочки, а теперь разглядывала ступеньку.

На тёмном дереве лежала белая снежинка.

Егор вздохнул так, словно увидел не снежинку, а целый сугроб, которому предстояло убирать самому.

— Окна закрыты, — напомнила Мила.

— Значит, кто-то плохо закрыл дверь.

— Дверь тоже закрыта.

— Тогда снегу следовало бы выбрать другое место.

Егор любил, когда всё было на своих местах. Спички —

в жестяной коробке, ложки — в ящике, мокрые варежки — на верёвке у печи. Он считал, что уют похож на хорошо сложенный шкаф: если не распахивать его без нужды, ничего не свалится на голову.

Мила думала иначе. Ей казалось, что дом похож на большое ухо: он сначала слушает, а уже потом решает, что делать.

Снаружи ветер перебирал еловые лапы. За окном сгустились короткие зимние сумерки. Мама ставила на стол чашки, пахло яблоками и корицей, а папа подбрасывал полено в печь. На верёвке над тёплым полом сохли варежки, и одна из них медленно поворачивалась, словно махала кому-то из комнаты.

Потом на блюдце возле окна появилась вторая снежинка.

Мила заметила её, когда собиралась положить туда кусочек пряника. Снежинка лежала на фарфоре целая, с тончайшими лучиками, будто кто-то нарисовал её серебряной иглой.

— Смотри, — позвала девочка.

Егор подошёл, наклонился и тут же выпрямился:

— У нас тепло. Она растает.

Но снежинка не таяла. В комнате, где печь согревала ладони, она оставалась белой и сухой, словно принесла с собой крошечную каплю ночного холода. Мама проверила форточки. Папа осмотрел дверную щель и даже заглянул за занавески. Ничего.

В этот момент с лестницы скользнул ещё один снежок. За

ним — второй, третий. Они не падали с потолка, не сыпались из трубы. Просто возникали в воздухе и мягко оседали на ступенях, на краю стола, на старом коврике у печи.

Егор схватил щётку.

— Всё, — объявил он. — Пока снег не занял кухню, мы его выметем.

— Осторожнее возле печи, — сказала мама. — Горячие вещи и полотенца рядом не оставляют.

Папа отодвинул коврик, чтобы снег не оказался у самого огня, и поставил щётку на пол. Никто не собирался хватать горячую заслонку или махать полотенцем возле печи: даже сказочное чудо не отменяло обычной осторожности.

Егор провёл щёткой по ступеньке. Снег исчез, но на дереве остался белый след — такой тонкий, будто кто-то провёл мелом. А под ногами у Милы тем временем появилась новая снежинка.

— Мы не можем всю ночь с этим бороться, — сказал Егор. — Снегу надо снаружи.

— Может быть, ему как раз нельзя туда? — тихо предположила Мила.

Снежинки на лестнице задрожали. Не от сквозняка — окна всё ещё были плотно закрыты. Они дрогнули, словно слышали её слова.

А маленькая снежинка на блюде вдруг отозвалась звоном. Голос у неё оказался тонким, как звук льдинки в стакане.

— Я отстала от метели, — сказала она. — Я искала место, где меня не прогонят и не растопят.

Егор посмотрел на неё, потом на печь, потом снова на снежинку.

— В доме тепло. Ты же сама понимаешь.

— Понимаю, — ответила та. — Поэтому я и испугалась.

Она говорила коротко, с паузами, будто каждое слово приходилось удерживать от таяния. Мила села рядом с блюдцем, но не коснулась его.

— Где ты отстала?

— В лесу. Там ветер уронил старую ель. Снег замёл тропы к кормушке у лесного домика. Я летела над деревьями, увидела, что зверям трудно найти дорогу, и спустилась посмотреть. А потом метель умчалась дальше.

На стекле окна медленно выступил белый узор. Сперва — одна веточка. Затем другая. Линии переплелись, и вскоре на холодном стекле возникла карта: тёмные еловые пятна, изгиб ручья и маленькая развилка. В конце тропы сияли три точки.

Мила узнала место.

— Это старая кормушка у ручья! Мы ходили туда летом с папой. Там ещё стоит домик лесника.

— Завтра позвоним леснику, — решил папа. — Сейчас на тропу нельзя. В такую метель никто из нас один в лес не пойдёт.

Егор всё ещё смотрел на снег на ступенях.

— А если мы не сможем оставить её здесь? — спросил он. В голосе у него впервые звучала не досада, а настоящая тревога. — В печи тепло, окна отогреются, и она растает.

— Значит, нужно придумать ей прохладное место, — сказала Мила. — Не всё в доме обязано быть устроено только по-нашему.

Это была непростая задача. Снежинку нельзя было посадить в чашку и поставить у огня. Нельзя было оставить её на открытом подоконнике, где её согреет воздух из комнаты. И нельзя было запереть в шкафу: там было темно, тепло и совершенно не походило на дом.

Папа достал с верхней полки старый фонарь. Когда-то его брали в походы, но теперь он стоял без свечи, покрытый пылью. Стёкла были целы, дверца легко открывалась.

— Свечу внутрь не ставим, — сразу сказал Егор. — Ни за что. И вообще огонь рядом со снегом — странное решение.

— Редкий случай, когда ты прав без единого возражения, — улыбнулась мама.

Фонарь тщательно вытерли и осмотрели, чтобы внутри не осталось острых осколков. Мила принесла маленькое холодное блюдо. Папа положил на него немного чистого снега с наружного крыльца, и дети бережно поставили блюдо в фонарь. Снежинка перебралась туда сама — не растаяв и не оставив мокрого следа.

Фонарь устроили у самого холодного окна, подальше от печи и прямых лучей лампы. Стеклянные стенки защищали

гостя от движений тёплого воздуха и случайных прикосновений.

— Только надо помнить, — пояснила мама, — стекло само по себе холода не делает. В обычной тёплой комнате настоящий снег всё равно растает. Просто это окно холодное, а наша гостья ещё и волшебная.

— Тогда у неё не просто фонарь, — сказал Егор. — У неё прохладный стеклянный домик.

Снежинка вспыхнула, словно ей понравилось новое имя.

Ночью метель не утихла. В доме стало тише: папа прислушивался к ветру, мама развешивала мокрые вещи подальше от печи, Егор убирал со стола остатки муки. Мила устроилась рядом с фонарём, но не дышала на стекло, чтобы не напугать гостью.

Время от времени снежинка касалась его изнутри. На стекле росли морозные веточки. На первый взгляд — просто красивые узоры. Но Мила вдруг заметила, что одна длинная линия поворачивает там, где на карте был ручей, а две короткие сходятся у развилки.

— Это не только узор, — прошептала она. — Это дорога.

Вода в воздухе при встрече с достаточно холодным стеклом может замерзнуть, образуя тонкие разветвлённые кристаллы. На их форму влияют температура и влажность; поэтому морозные рисунки так похожи на листья, перья и ветви. Но в ту ночь узор складывался слишком осмысленно, чтобы быть простым совпадением.

Снежинка медленно провела по стеклу новый путь. Он обогнул ручей и вывел к трём светлым точкам — к кормушке.

— Там занесло вход, — сказала она. — Под елью — сухое место. Звери ищут его, но ветер всё замёл.

— Завтра спросим лесника, — повторил папа. — Сначала проверим, что там действительно нужна помощь. И пойдём только с ним.

Утром он позвонил леснику Семёну Петровичу. Тот выслушал описание метели и сразу понял, о какой кормушке идёт речь: у старого домика действительно могла упасть еловая ветка и закрыть проход. Лесник собирался проверить место, как только ветер станет слабее.

— Если он разрешит, мы поможем, — сказал папа. — Но по тропе, с ним и только когда будет безопасно.

Мила собрала термос с чаем. Егор приготовил тёплые носки и записал, что нужно взять с собой. Семён Петрович велел прихватить немного сухого сена и овса для кормушки — именно столько, сколько требовалось, и только в это место. Он отдельно попросил не брать хлеб и не подходить к зверям, если они покажутся.

— Диким животным полезнее не наше желание их обнять, а спокойствие и правильно устроенная помощь, — объяснил он. — А подкармливать нужно там, где этим занимаются ответственные люди.

К полудню метель ослабла. Папа, дети и лесник отправи-

лись по отмеченной тропе. Они не сворачивали в лесную чащу и держались рядом друг с другом. Ветер ещё путался в воротниках, но теперь между порывами можно было расслышать, как с веток сыплется снег.

У ручья дорогу действительно преградила толстая еловая ветвь. Семён Петрович и папа расчистили проход, а дети собирали мелкие веточки, не отходя от тропы. Егор крепко держал мешок с сеном и овсом. Он больше не ворчал на снежинки, которые набивались ему в рукава.

— Если долго бороться с беспорядком, можно не заметить, что он что-то показывает, — сказал он, ставя мешок у кормушки.

Лесник открыл её и проверил запасы. Всё, что принесли, он разложил сам. Вокруг на снегу виднелись следы: тонкие заячьи прыжки, отпечатки мелких лап и узкая дорожка птиц.

У опушки мелькнула косуля. Она остановилась за деревьями и посмотрела на людей. Никто не двинулся к ней. Семён Петрович только тихо сказал, что животному лучше самому решить, когда подойти. Косуля постояла, потом исчезла среди елей.

Мила посмотрела на ручей. Снег на берегу светился голубоватым оттенком. Ей показалось, что где-то высоко над деревьями прозвенел знакомый тонкий голос:

— Спасибо.

Но, может быть, это просто звякнула сосулька на ветке. Не всякое чудо требует, чтобы его немедленно доказали.

Когда семья вернулась домой, фонарь стоял на холодном подоконнике. Снежинка по-прежнему сияла внутри. На внутреннем стекле появились новые веточки, а на оконном — большой морозный рисунок. Он напоминал открытую дверь: две длинные линии, перемычка и светлый просвет посередине.

— Значит, она больше не боится, — сказала Мила.

— Или показывает, что путь домой открыт, — предположил Егор.

Вечером ветер наконец стих. Над лесом показалась рождественская звезда. Мила и Егор подошли к окну. Снежинка в фонаре поднялась, легко коснулась стекла и на мгновение засверкала ярче всех ламп в комнате. Потом она исчезла — не растаяла, а словно отправилась дальше, туда, где среди туч уже рождалась новая метель.

Фонарь остался пустым. Дом снова был тёплым, печь потрескивала, варежки сохли на верёвке, а на подоконнике держался морозный след — открытая дверь.

Егор взял щётку, но не стал сметать узор.

— Пусть останется, — сказал он. — Чтобы мы помнили: сначала надо понять, кто пришёл, и только потом решать, куда его поставить.

В этом был не только красивый рождественский урок, но и полезная привычка. Когда что-то нарушает привычный порядок — ребёнок шумит, гость задерживается, план рушится, — попробуйте сделать небольшую паузу. Назовите,

что именно вам неудобно. Затем спросите себя: какая потребность может стоять за этим неудобством? Возможно, кому-то холодно, страшно, одиноко или нужна помощь. И лишь после этого ищите решение, которое учитывает и другого, и безопасность всех вокруг.

Можно даже выполнить короткое упражнение на листе бумаги: разделить его на две колонки. В первой написать: «Что меня раздражает?» Во второй — «Что может быть нужно тому, кто это делает?» Не обязательно сразу угадывать правильно. Важно заменить первое осуждение вопросом. А если речь идёт о настоящей опасности — огне, незнакомом животном, непогоде или риске для здоровья, — подключить взрослого или специалиста. Сочувствие не означает беспечность: тёплый дом умеет быть добрым и осторожным одновременно.

В ту ночь Егор понял, что порядок — не когда всё всегда лежит на своих местах. Иногда настоящий порядок начинается с умения заметить гостя, выслушать его и вместе найти ему безопасное место. А Мила поняла, что даже самая маленькая снежинка может принести важную весть, если дать ей время заговорить.

Письмо для того, кто заблудился

В толпе на зимней ярмарке можно потеряться всего на несколько шагов. Ещё секунду назад рядом была мамина варежка, а теперь вокруг — чужие пальто, голоса и блестящие огни. Ребёнок не забыл дорогу намеренно: просто испугался, и знакомый мир вдруг стал непонятным. В такой миг важнее всего не требовать: «Ну-ка, вспомни, куда идти!» — а остановиться рядом и спокойно сказать: «Я тебя вижу. Давай разберёмся вместе».

Теряются не только на площадях и лесных тропах. Иногда человек забредает далеко от близких, сам этого не замечая: откладывает разговор, стесняется попросить прощения, привыкает обходиться без помощи. А потом обнаруживает, что не знает, с чего начать возвращение. Именно об этом подумал Мирон, когда накануне Рождества нашёл на почте письмо без имени и адреса.

Маленький почтовый домик стоял на краю долины, где дорога терялась между сугробами и уходила к лесу. Внутри пахло бумагой, горячей печкой и сушёными апельсиновыми корками. Мирон уже разобрал посылки, проверил мешки и поставил чернильницу на место. Тётушка Дарья, начальница почты, завязывала бечёвкой последний мешок.

— Всё, — сказала она. — Теперь только ждать, пока люди дождутся своих писем.

И тут под дверью шуршнуло.

На пол лёг конверт. Не упал — именно скользнул, словно его аккуратно подтолкнули снаружи.

— Этого в списках нет, — заметил Мирон.

На конверте не было ни имени, ни адреса. Бумага потемнела от сырости, уголок был смят, а на сгибе застыл кусочек синего сургуча. К клапану прилипла еловая иголка и тонкая красная шерстяная ленточка. Мирон осторожно вскрыл конверт. Внутри лежал листок, на котором неровными чернилами было написано:

«Я не помню дорогу домой».

Больше ничего.

Мирон перечитал фразу. Она была короткая, но будто оставляла после себя большую тишину.

— Может, тот, кто написал, не успел добавить остальное? — спросил он.

Тётушка Дарья посмотрела на конверт, потом на завьюженное окно.

— Может. А может, ему и так было трудно написать хоть это.

Мирон принялся изучать письмо. Почерк то наклонялся вправо, то выпрямлялся, словно рука писавшего устала. На бумаге пахло дымом — не кухонным, а лесным, смолистым. На конверте была серая пыль, похожая на мельничную муку, а в складке застрял крошечный сухой листок.

— Тут нет обратного адреса, зато есть следы, — решил

Мирон.

— Следы — не карта, — напомнила тётушка Дарья. — И в метель одному далеко ходить нельзя. Сначала спроси людей. Если придётся искать — позовём взрослых и пойдём вместе.

Она дала ему фонарь и велела не покидать долину. Мирон натянул тёплые варежки, а за порогом увидел, как ветер гонит снежную пыль то к мосту, то обратно к домикам. В такой ветер бумажный лист мог пролететь полдолины, приземлиться у мельницы, а потом снова подняться над крышами.

У мельницы Мирон встретил старого мельника. Тот стряхивал снег с деревянной лопаты.

— Никакой конверт я не отправлял, — сказал мельник, разглядывая серую пыль. — Но утром у мельничного колеса бумажка крутилась. Ветер швырнул её на восток, к пастбищу. Потом налетел с горы и унёс обратно. В нашей долине он сам себе дорогу выбирает.

Мирон поблагодарил его и пошёл к пастбищу. Там заяц беспомощно барахтался в рыхлом снегу возле низкого забора. Видно, сугроб завалил знакомый проход под перекладной. Мирон не стал хватать зверька: осторожно отгрёб снег длинной веткой и отступил. Заяц замер, прислушался и юркнул в открывшийся проход.

За заборную проволоку цеплялась красная шерстяная нитка — такая же, как ленточка на конверте. Мирон снял её и спрятал в карман.

— Ты тоже не мог найти свой путь, — тихо сказал он зай-

цу, уже скрывшемся в кустах.

На краю пастбища стоял пастушок Лука. Он смотрел на деревню, но будто не решался сделать шаг.

— Я видел, как бумажку несло ветром, — признался он.
— Сначала от мельницы, потом сюда. Она зацепилась за ограду, но вырвалась. А красная нитка осталась.

— Ты знаешь, откуда она?

Лука пожал плечами.

— От старого лесничего Степана. У него на шарфе такие кисточки. Я видел его утром у сосен. Он шёл не к деревне, а в сторону старой лесной дороги.

Мирон заметил, что Лука всё ещё смотрит на деревню.

— Почему ты не идёшь домой?

— Поссорился с отцом. Он сказал, что я опять оставил овцу у ручья. Я хотел доказать, что сам справлюсь. А теперь...
— Лука отвернулся. — Если вернусь, он решит, что я испугался.

Мирон не стал говорить, что Лука неправ. Он вспомнил письмо: *я не помню дорогу домой*. Иногда дорогу заслоняет не снег, а слова, которые страшно произнести.

— Может, он не решит, что ты испугался, — сказал Мирон. — Может, он обрадуется, что ты вернулся.

Лука промолчал, но пошёл рядом. В кармане у него лежал маленький фонарь, и он предложил проводить Мирона до старой сосны.

Там, под снегом, виднелся знак: три зарубки на стволе.

Степан когда-то отмечал ими поворот к лесной сторожке. Мирон достал письмо. Еловая иголка выпала на рукав и пахнула морозной смолой. Значит, конверт побывал у хвойной опушки. Но старых лесных дорог в долине было несколько.

Пока мальчики разглядывали зарубки, из ближайшего дома вышла вдова Агата. Она несла корзинку с дровами.

— Ищите Степана? — спросила она, увидев письмо. — Я сегодня чувствовала дым с верхнего склона. Не от деревни — лесной дым. А возле дороги заметила свежие следы полозьев.

Агата каждое утро выглядывала на улицу: она ждала письма от дочери из соседнего посёлка. Почтовая дорога занесло, и несколько дней новостей не было.

— Иногда мне кажется, что все письма приходят к другим, — сказала она и тут же улыбнулась, будто смутилась собственной откровенности. — Но всё равно я каждый день проверяю ящик.

— Вы не устали ждать? — спросил Мирон.

— Устала, — ответила вдова. — Но молчание не всегда означает, что о тебе забыли. Иногда человеку мешает дорога. Или он не знает, какие слова выбрать.

Она узнала кусочек синего сургуча на конверте.

— Степан запечатывал им старые лесные журналы. Такие запасы остались ещё с тех времён, когда в сторожке хранили карты. Он не любил, чтобы в его бумагах копались.

Теперь у Мирона было три понятные подсказки: красная

шерстяная ленточка, еловая иголка и синий сургуч. Но подсказки сами по себе не указывали путь — их нужно было сложить в правильном порядке.

Мирон присел на снегу и начертил варежкой карту долины. Здесь была мельница, где бумажку впервые увидели. Здесь — пастбище и место, где за ограду зацепилась красная нитка. Здесь — старая сосна с тремя зарубками. Иголка указывала на хвойную опушку, а синий сургуч связывал письмо с лесной сторожкой.

Он приложил ленточку к нарисованной дороге.

— Она зацепилась у пастбища. Значит, письмо летело мимо старой сосны, — рассуждал он. — А следы полозьев идут от неё наверх. Не к деревне, а к сторожке.

— Вот почему знаки лучше смотреть вместе, — сказала подошедшая тётушка Дарья. За ней шли мельник и отец Луки с двумя фонарями. — Один след легко понять неверно. Несколько — уже почти карта.

Отец Луки ничего не сказал сыну, только протянул ему запасные варежки. Лука взял их. Это было ещё не извинение и не примирение, но уже первый шаг.

Взрослые решили идти к сторожке вместе. Впереди шёл лесник Павел, хорошо знавший тропу. Мирон и Лука держались рядом, а мельник время от времени звонил в маленький колокольчик, чтобы Степан услышал. Снег всё ещё кружился, но теперь у каждого в руках был фонарь, а за спиной — знакомые голоса.

Следы полозьев вскоре стали отчётливее. Они вели через опушку, мимо сосны с тремя зарубками, затем сворачивали к старому лесному домику. На его крыше лежала высокая шапка снега, а из трубы поднималась тонкая струйка дыма.

Степан открыл дверь не сразу. Когда он наконец показался на пороге, на нём был тот самый шарф с красными кисточками. Он смотрел на пришедших растерянно.

— Вы из деревни? — спросил он. — Я... не знаю, сколько идти до деревни. Вроде бы знаю, а потом дорога становится чужой.

— Мы принесли ваше письмо, — сказал Мирон.

Лесничий взглянул на конверт и долго молчал.

— Я написал это утром, — наконец вспомнил он. — Хотел указать имя, но не смог. Потом ветер распахнул дверь. Наверное, письмо и улетело.

Степан не был беспечным путником, который просто свернул не туда. Он много лет прожил в лесной сторожке, почти не бывая в деревне. Знал каждую тропу, пока её можно было увидеть. Но зима занесла старые ориентиры, новые дома изменили знакомый вид, а усталость смешала в памяти повороты. В последние месяцы Степан всё чаще ловил себя на том, что забывает простые вещи. Одиночество не объясняло всё, но делало каждое затруднение тяжелее: некому было заметить его растерянность и спросить, нужна ли помощь.

— Я не хотел никого беспокоить, — сказал он. — Думал, сам вспомню.

— А потом всё-таки написали, — ответила Агата. — Это тоже смелость.

Степан обвёл взглядом собравшихся. Он узнал лесника Павла, мельника, Агату. Увидел Луку, который стоял рядом с отцом.

— Вы пришли за мной?

— Конечно, — сказал Мирон. — Ваше письмо дошло.

Они не стали торопить Степана и не засыпали его вопросами. Лесник Павел предложил ему надеть тёплую одежду. Мельник взял часть вещей, а Агата завернула в платок кружку горячего чая. В деревне Степана должен был осмотреть фельдшер: когда человек внезапно начинает путаться или теряться, важно не оставлять его одного и попросить помощи у взрослых, а при необходимости — у медицинского работника.

По дороге отец Луки спросил сына, не замёрз ли тот. Лука ответил, что нет. Потом, помедлив, сказал:

— Я ушёл из-за ссоры. Но овцу у ручья оставил зря.

— А я рассердился сильнее, чем следовало, — ответил отец. — Дома договорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.